

An impressionistic painting of a person sitting on the ground in a forest. The person is wearing a white shirt and a red vest. The scene is filled with green foliage and trees, with a soft, hazy atmosphere. The brushstrokes are visible and textured.

Влада Шлыкова

Наваждение

Собрание авторских
рассказов и статей

Влада Шлыкова

**Наваждение. Собрание
авторских рассказов и статей**

«Издательские решения»

Шлыкова В.

Наваждение. Собрание авторских рассказов и статей /
В. Шлыкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962962-3

Данная книга является сплошной первой пробой пера. Работы не связаны какой-либо общей темой, однако в каждую из них автор старался вдохнуть философский подтекст, выразить любовь к родному краю, к его капризному климату, пейзажам, к истории многострадальной России.

ISBN 978-5-44-962962-3

© Шлыкова В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Наваждение	7
Тень победы	9
На смерть замёрзший	11
Выжили	12
Теплокровный	13
Зима	14
Участь женщины	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наваждение

Собрание авторских рассказов и статей

Влада Шлыкова

© Влада Шлыкова, 2019

ISBN 978-5-4496-2962-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Хочу выразить большую благодарность родным: маме, Ольге Валерьевне Шлыковой, дедушке, Александру Юрьевичу Жаворонкову, и бабушке, Надежде Поликарповне Жаворонковой, за непрерывную поддержку. А также Елене Владимировне Погорельской, бывшему директору Енисейского педагогического колледжа, который всегда вдохновлял меня на литературное творчество; Татьяне Михайловне Мордвинове, преподавательнице литературы, благодаря которой родилась идея написать собственный небольшой сборник; любимой Ирине Аполлоновне Гилёвой, моему куратору, благодаря мотивации которой сборник был дописан, не брошен на полпути. Особо хочу поблагодарить своих творческих коллег: Елену Васильевну Курушину и Ирину Николаевну Моисееву, ставших для меня наставниками и руководителями.

Наваждение

Ночной город тонул в приторно-сладкой гармонии и умиротворении. Огромный по территории дворец, словно полярная звезда, буквально светился издалека, а его отражение тонуло в водах, беспечно глубоких и холодных, у самых берегов преобразующихся в удивительно чистый лед, несмотря на то, что в «утопическом городе», как и на большей части суши, была только поздняя осень. Улицы неподвижно замерли в тишине – никто не смел коротать ночь где-либо, кроме как дома, отдыхая после изнурительного трудового дня на благо города и его, несомненно, справедливых правителей. В окнах не горел электрический свет – иногда можно было заметить только слабое отражение огоньков свеч. Утопающий в лазурной зелени сад ночью словно оживал: удивительно реалистичные скульптуры во мраке никаким образом нельзя было отличить от настоящих людей: детей, застывших во время игры, взрослых с искаженными усталостью лицами, молодых прекрасных девушек и юношей с наивными и отчего-то грустными глазами. Присутствовали и животные: большое количество конных скульптур, псы, коты и лисы, зайцы и птицы. По ночам, подгоняемая ветром, трава здесь словно разговаривала с застывшими в одной позе жителями города, которым ничего не оставалось кроме как служить вечным украшением для сада «утопического города».

Жизнь Ч-ка была похожа на странный затянувшейся сон, в котором он – главный монстр, чума, исполняющая свой чумовой долг и по одному сталкивающая с шахматной доски фигуры, подстраивая, думая, чтобы вдруг не ошибиться. Чтобы не разочаровать и чтобы не разочароваться в себе сам. Чем старше становился Ч-к, тем чаще он думал о своей тёмной сущности. Было ли то, что он родился, чьим-то замыслом? Частью чей-то злой игры? Или все это – досадная случайность? С годами жизнь Ч-ка совершенно не менялась. После пожара, выжегшим абсолютно всё, что с натяжкой можно было назвать единственным светлым пятном в жизни Ч-ка, он восстановил отчий дом и оградился куда более высоким и крепким забором, закрылся в своей комнате, пока дела не трогали его, но вскоре дьяволу потребовалась новая кровь, и Ч-к сделал невозможное – он вышел в город. В этот раз Ч-к взял с собой зонт. Такой же дисфоричный, как он сам, черный, вытянутый, острый. Он добрался до ближайшего города, в котором находилась большая контора пожилого Ч-ка, и лишь поздним вечером засобирился обратно. Зайдя в автобус, он сложил зонт, с которого капала дождевая вода. Забив свободное место у окна, Ч-к, положив зонт на колени, а портфель – на сидение рядом, чтобы его заняли с наименьшей вероятностью, расслабился, сползая вниз и чувствуя, как утомленное бессильной злобой и работой сознание постепенно наводняет туман.

С щелчком повернулся в замочной скважине ключ. Он дернул ручку, по привычке проверяя, закрыта ли дверь и, убедившись, убрал ключи в карман пальто. Стояла поздняя осень, продрогшая от ежедневных ноябрьских мокрых морозов. Листья, которыми был укрыт асфальт, давно сгнили и утонули в грязных лужах ночного дождя.

Проверив сумку, ничего ли он не забыл, Джин уверенным шагом направился к дому. Возвращаться за, например, телефоном, ему вовсе не хотелось, и хоть сам он был уверен, что карманный аппарат современности вполне мог подождать до завтра, отец Джина в том был не уверен. Старая привычка держать с сыном постоянный контакт надёжно закрепилась в нем. Молодой человек, думая об этом, в усмешке покачал головой и раскрыл зонт, отделяющий его от морозящих капель. Дома Джина ждал ужин и не заправленная с утра кровать.

Уже через час он, решив не медлить, приготовился ко сну. И вот он лежит, укрывшись сожраным молю одеялом. В комнате пять на пять метров сумеречно темно. За окном барабанит дождь. Джин закрыл свой глазной аппарат, опустив веки...

Ночной сад манил их своим безмолвным спокойствием, таившимся в обезображенных ужасом ликах скульптур. Первой зашевелилась долговязая фигура, задремавшая на лавке с зонтом на коленях. Сновидение густым туманом еще теплилось где-то в голове, но вот-вот развеется, оставшись лишь на самом краю сознания. Пожилой чиновник осмотрелся вокруг заспанным взглядом, качнул плечами и сел прямо. Минутой позже, на другой стороне сада, зашевелился еще один задремавший под навесом в пасмурную погоду. В отличие от чиновника, идущего навстречу навесу, молодой бездомный студент остался и дальше сидеть в относительно сухом месте.

Когда ждущий солнца студент и престарелый чиновник с глубокими добрыми морщинами на лице, скрытыми под белым зонтом, поравнялись, их мысли, до этого совершенно разные, вдруг пересеклись:

«Приснится же такое...»

Январь 2018 года

Тень победы

Жизнь мёртвых продолжается в памяти живых.

Цицерон

Здесь, в девятой квартире пятого дома по улице Победы, доживает свои дни ветеран Великой Отечественной войны Павел Семёнович. Некоторые жильцы дома хорошо знают, что напрасно тревожить ветхого здоровьем пенсионера не стоит, а другим на это по каким-то причинам всё равно – в любой момент в окно просыревшей насквозь квартиры какой-то мальчишка может бросить камень, случайно или намеренно. Иной раз Павлу Семёновичу приходится поднимать трость и стучать ею по потолку, чтобы уgomонить расшумевшуюся молодёжь и добиться такой желаемой в его возрасте тишины. Павлу Семёновичу (или дяде Паше, как называют его дворовые ребята и те, кто уже вырос, но по каким-то причинам не желает называть старика полным именем) скоро исполнится девяносто пять лет. Но не радуется этой внушительной дате ни он, ни кто-либо ещё из его ныне живущих друзей, только внучка, съехавшая от деда ещё в начале восьмидесятых, давно заглядывается на его квартирку, где уже давно протекает крыша и живут своей жизнью рыжие тараканы.

Единственным его компаньоном в этом убежище, где свет работает не каждый день, а из крана течёт ржавая вода, остаётся Жуля – безродная трёхцветная кошка с осторожным к чужим, но ласковым к хозяину нравом. Павел Семёнович подобрал её на улице в один из октябрьских мокрых вечеров и с тех пор Жуля живёт бок о бок с ним уже два года. Иногда Жуля помогает хозяину избавляться от надоедливых мышей, грызущих бедное имущество ветерана, но чаще всего просто лежит рядом с ним, греясь о его бок и согревая его самого.

Павел Семёнович любит слушать виниловые пластинки, в которых, по его мнению, есть душа, любит ухаживать за цветами и животными. Любил он и спокойные неторопливые прогулки вечерами, пока из-за сильных болей в ногах гулять ему стало невозможно. Дядя Паша любит детей, ведь у него у самого есть младший брат Коля. Когда он только родился, маленький Паша был очень рад, потом, когда Коля немного подрос и выронил из окна его любимую машинку, эта радость подутхла. Но когда началась Великая Отечественная война, Паша больше всего боялся за своего младшего брата, который, несмотря на опасное положение в стране, продолжал ходить в школу. Сейчас выросший Павел Семёнович с теплотой вспоминает эти времена, а завтра он пойдёт на могилу Коли, который вместе с матерью погиб под обстрелом незадолго до окончания войны.

Но больше всего Павел Семёнович не любит войну, унёсшую жизни его друзей и чёрной полосой беспросветной скорби пересёкшую его собственную. Война – это то, о чём он предпочёл бы забыть, но, наблюдая за происходящим вокруг безнравствием, невольно обращается к мысли: «Неужели мы воевали за такое будущее? За что с нами так?»

Скоро Павлу Семёновичу исполнится целых девяносто пять лет, в углу его комнатки скребутся мыши, а Жуля, свернувшись клубочком у его обезображенных болезнью ног, мирно дремлет, не тревожась шума дождя за окном. В просиженном кресле сидит тот самый человек, который прошёл через четыре года земного Ада, чтобы спустя ещё семьдесят три года праздник Для Победы вызвал на его изрезанном морщинами лице тень улыбки.

Цифра 20 на календаре за месяц июнь 1941 года была жирно обведена чернилами, ведь именно в этот день, всего лишь через неделю, у Коли будет восьмой день рождения. Паша сидел за столом, читая учебник биологии, когда к нему подошла мама и, наклонившись, тепло улыбнулась:

– Уже решил, на кого будешь учиться после школы?

Будущий солдат, подняв голову, ответил уверенно и гордо:

– Да! Я буду ветеринаром.

Май 2018 года

Насмерть замёрзший

Не просто так в Сибирь в своё время сослали тех, кто попал под репрессии, но кому по каким-то причинам смягчили приговор, оставив жизнь или, что точнее, обрекая на медленную смерть от здешнего малоприятного климата. Даже в конце мая, за десять с небольшим дней до лета, енисейский воздух, пропитанный влагой и холодом, с удовольствием забивается в дыхательные пути, лезет под утепленную одежду и заставляет остервенело, совсем не весеннему, чихать. В такие моменты начинаешь искренне понимать тех, кому удалось (или нет) пережить «год без лета», 1816 год без солнца и урожая. Современная енисейская реальность не столь сурова, как в «тысяча восемьсот насмерть замёрзшем», но доставляет определённый дискомфорт, заставляя выбирать между резиновыми сапогами и зимними валенками.

Май 2018 года

Выжили

В те непостоянные майские дни, когда неясно, чего ожидать завтра: солнце или проливной ливень, направляясь по дороге домой, я взглядом натолкнулась на небольшой клочок почти лысой земли, где, несмотря на календарный месяц, не было ни единой травинки. Там, ютясь и прижимаясь друг к дружке, выглядывали жёлтые, словно маленькие солнышки, головки одуванчиков. Маленькие яркие пятнышки на пустой промёрзшей от постоянной сибирской непогоды казались мне чем-то чуждым, инородным.

Я остановилась поглядеть на то, как дети весны крепко держались друг друга, несмотря на холодный ветер, и то дело замышляющий сорвать их и унести в грязь, оставшуюся после ночного дождя. Простояв так не менее десяти минут и крепко задумавшись о чём-то своём, я в конечном итоге в той же задумчивости возобновила путь до дома. Одуванчики остались нетронутыми.

Этой же ночью вновь был проливной дождь, а ближе к утру и вовсе выпал снег, хороня под белоснежной пеленой жухлую траву и только-только проклеивавшиеся почки деревьев. Снег сошел спустя пару дней, продержавшись удивительно долго для майского месяца. За это время он успел уничтожить все те признаки жизни, которые застряли под его покровом. Ещё пару дней было нестерпимо сыро: город буквально утонул в грязи из снега и дождевой воды.

А сегодня днём, я, возвращаясь домой из районной поликлиники, совершенно случайно натолкнулась на два желтых глаза-одуванчика, смотрящих на меня со стороны лысого газона. Лужи воды и грязи окружали их, сомкнувшись возле, но не тронув маленький островок, на котором располагалось чудо природы, маленький кусочек запоздалой весны. И тогда я, отвлёкшись от прочих мыслей, подумала с отчётливой и простодушной теплотой:

«Всё-таки выжили».

Май 2018 года

Теплокровный

Лето промчалось мимолётным мгновением, но вот настала осень, о чём помимо календаря свидетельствовала погода за окном, более не располагающая к прогулкам в одном только лишь лёгком хлопковом сарафане. Этим утром трава, местами начавшая желтеть ещё в конце августа, покрылась тонким слоем изморози, а небо, чисто-голубое летом, заслонили хмурые дождевые тучи, расползшиеся по всему горизонту: от тёмных, почти чёрных силуэтов деревьев вдалеке до крыши дома, из окна которого мне довелось наблюдать сезонную смену погоды. Это был сентябрь, такой холодный и промозглый, какого ещё не было на моей памяти.

Но, несмотря на погоду, светлело на улице по-прежнему рано, как летом. К моменту моего пробуждения и сбора на учёбу улицы уже были залиты светом, тусклым и как будто слегла сероватым. Мой стандартный маршрут сбора проходил через ванную комнату, затем обратно в комнату, лишь затем на крошечную кухню, заставленную посудой и остатками вчерашнего ужина на двоих. Вчера я оставила форточку приоткрытой, чтобы обновить воздух в нашей съёмной с подругой квартире. Пока вскипал электрический чайник, я стала засыпать чай в заварничек, ютящийся на тумбе. Прежде, ещё пару месяцев назад, во время относительно тёплого, летнее, мне доводилось каждый день вести с комарами яростную борьбу за наше жильё. В открытую на вечер форточку их налетало по десять-пятнадцать особей, но настоящую активность они проявляли ночью, не давая ни мне, ни Насте, соседке, спать. Заваривая чай осенью, я никак не ожидала, что встречу одного из них здесь, прямо над моей головой. Худенький комар был первым из своего вида, которого я встретила за эти недели, особенно холодные или даже морозные.

Сначала моя рука потянулась за полотенцем, намереваясь сбить кровососущее насекомое с поверхности навесного шкафчика, но, передумав, я оставила эту затею. Две минуты спустя нас уже было трое: Настя, вставшая позже меня, я с кружкой горячего чая и комар. Погода за окном вызвала во мне сострадание к одному из числа тех, к кому не было жалости в летнее время. В это время года, сырую пору увядающей природы, нам всем не помешает немного тепла. Во взгляде, добром слове или на махонькой кухне съёмной квартиры.

Сентябрь 2018 года

Зима

*...И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».
Борис Леонидович Пастернак*

Зимы в Сибири выдаются морозными, сухими, проявляющимися густыми клубами тумана, витающими в воздухе и влажным инеем оседающими на лысых стволах деревьев. Мороз, постоянный спутник зимних сибирских дней, не щадит никого: ни рабочих, ранним утром заполонивших пустые, слегка дрожащие, как безмолвный лес сквозь пламя огня, улицы. Не щадит он и бродячих животных, покрывшихся белым, как седина, инеем.

Январские морозы стали роковыми не для одной тысячи судеб, решёнными ссылкой их в сибирские края. Зиму жители Сибири, местами малозаселённой и пустующей, переносят тяжело, холодно. Редко пустые улицы пугают своей тишиной: чаще, если хорошо вслушаться, можно услышать тихий звон где-то далеко, за светло-синим горизонтом. Если хорошо слушать, можно рано или поздно понять, что зима здесь материальная: она застаёт редкого прохожего, ждущего трамвай, болезненным покалыванием ветра и призрачными касаниями ледяных рук, забираясь под утеплённую одежду. Прохожий щурится от ветра, кутается, прячет красные и одеревеневшие ладони по карманам дублёнки, затем приходит трамвай, спасительно тёплый, и прохожий наконец расслабляется, и руки начинают оттаивать.

А зима снова остаётся наедине с собой и замершей в ожидании весны природой. Ждёт нового прохожего, тёплого в своём естестве, умеющего слышать тихий звон где-то за горизонтом. Зима здесь вынуждена остаться надолго, нелюбимая и холодная. Осесть туманом, притаиться в ледяном ветре, осиротевши, обнять обездоленных, по-матерински спеть им звонкую, но тихую колыбельную и надолго убаюкать, надолго, до прихода весны.

Январь 2019 года

Участь женщины

*Войны прокляты матерями.
Гораций*

Лето второго послевоенного года запомнилось мне льющимися на ярко-зелёные луга лучами жгучего солнца. Холодный и дождливый сибирский климат нечасто радовал жителей тёплой погодой в летнее время, но тот август надёжно врезался мне в память жаркими, даже засушливыми деньками, когда над необходимостью работать в поле с большим перевесом преобладало желание искупаться в прохладной речке неподалёку от пашни, куда меня вместе с другими ребятами, вчерашними школьниками, забросили обстоятельства.

Работа в поле представлялась не слишком тяжёлой, подходящей детям и молодым парням вроде меня. Мать работала тогда в городе, отец ещё не вернулся с фронта, вместо него работал мой младший брат, с которым мы уходили из дома на пашню и вместе вечером возвращались. Тогда необходимость проводить целые дни напролёт в поле была мне настоящей обузой, дома, в силу тяжёлой ситуации в первые годы после войны, не было ни грамма лишней пищи, приходилось всей семьёй трудиться без выходных, чтобы помочь пострадавшему во время бомбардировки деду. Само собой, тогда я, как и многие мои сверстники, мечтал выучиться и получить профессию, но думать об этом мне приходилось лишь по ночам, в моменты долгожданного отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.